

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ.
ДЕЛО СЬЮ РОДРИГЕЗ,
РАССМОТРЕННОЕ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ КАНАДЫ*

Б. МЕЛКЕВИК**

В статье на материале решения Верховного Суда Канады по делу Сью Родригез рассматривается проблема легализации эвтаназии. Автор анализирует позиции судей в отношении конституционности статьи канадского Уголовного кодекса, запрещающей третьим лицам оказывать помощь в организации самоубийства. В центре его внимания находится конфликт ценностей (свободы выбора, равенства, человеческого достоинства) и интересов, выход из которого профессор Б. Мелкевик видит в преодолении господствующего в теории и философии права, а также в правоприменительной практике инструментального подхода к правам и свободам человека и гражданина. Адекватным их содержанию способом познания он признает правовой интерсубъективизм, свободный от крайностей консерватизма и либерализма и сохраняющий в поле зрения юриста нормативную природу права и его ценностное измерение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: субъективное право, нормативность, выбор, равенство, достоинство, ценность.

Бьярн Мелкевик,
доктор права
Университета Париж-II,
профессор
юридического факультета
Университета Лавалья (Квебек)

MELKEVIK B. RESPONSIBILITY IN THE FACE OF DEATH. SUE RODRIGUEZ CASE DECIDED BY THE SUPREME COURT OF CANADA

The article considers the problem of the legalisation of euthanasia in the material of the Sue Rodriguez case decided by the Supreme Court of Canada. The author analyses the judges' positions regarding the constitutionality of the article of the Canadian Criminal code forbidding the third parties to assist in the arrangement of a suicide. He pays attention to the conflict of values (freedom of choice, equality, human dignity) and interests. Prof. B. Melkevik sees the way out of this conflict

* *Melkevik B.* La responsabilité devant la mort. Sue Rodriguez devant la Cour suprême du Canada // *Melkevik B.* Philosophie du droit. Vol. I. Québec, 2010. P. 73–86.

** Bjarne Melkevik — L.L.D. Paris II, professor at the Faculty of Law, University Laval (Quebec).

© Б. Мелкевик, 2013

E-mail: bjarne.melkevik@fd.ulaval.ca

Перевод с франц. В. А. Токарева

© В. А. Токарев (пер.), 2013

E-mail: basiletok@gmail.com

in the overcoming of the instrumental approach to the rights and freedoms of a human being and a citizen which prevails in the theory and philosophy of law and in the law enforcement practice. According to Melkevik, the way to learn these rights and freedoms appropriate to their content is legal intersubjectivism, free from conservative and liberal extremes and keeping the normativity of law and of its valuable measurement within the lawyer's vision.

KEYWORDS: subjective right, normativity, choice, equality, dignity, value.

На протяжении десятилетий в Квебеке было популярно выражение «Наши судьи — наши юристы». Оно отсылало к идее о том, что «те, кто уполномочены выносить судебные решения, способны более чем кто-либо другой рассуждать на правовые темы, разъяснять тонкости юриспруденции, преподавать юридические дисциплины и развивать теорию права».¹ Однако за последнее время судебная система претерпела значительные изменения, позволяющие признать наших судей еще и философами права, особенно если они оперируют категорией социальных ценностей. Очевидно, что их решения способствуют развитию и укреплению философско-правовых концепций. С этой точки зрения, решение по жалобе Сью Родригез, принятое Верховным Судом Канады в 1993 г., указывает на сближение проблематики прав человека с предметной областью философии права.

Ориентируясь на отмеченную нами тенденцию, изложим некоторые соображения относительно этого судебного решения. Верховный Суд должен был установить, противоречит ли норма Уголовного кодекса Канады, запрещающая оказание помощи в самоубийстве, положениям канадской Хартии прав и свобод. В процессе по жалобе мадам Родригез большинство судей (пять против четырех) пришли к выводу об отсутствии противоречия, тогда как меньшинство, включая главного судью, обосновывали право на получение помощи в самоубийстве. По нашему мнению, такой уникальный процесс представляет интерес не только для практикующих юристов, но и для правоведов.²

Мы проанализировали аргументы, представленные как сторонниками, так и противниками признания за самоубийцей права на получение помощи в сведении счетов с жизнью. Их осмысление позволило нам выявить структурные элементы юридических суждений, имеющих различные основания. Цель проведенного исследования заключалась в том, чтобы очертить позиции, занятые апологетами принципов автономии воли и равенства и защитниками ценностей человеческой жизни и достоинства. Нас интересовала их способность отвечать требованиям правового порядка (*ordre juridique*), и, прежде чем дать оценку обеим позициям, мы напомним фабулу дела, которое стало отправной точкой в наших размышлениях о современных подходах к пониманию природы и содержания фундаментальных прав человека.

¹ *Atlas C. Savoir des juges et savoir des juristes. Mes premiers regards sur la culture québécoise // Cowansville, Éditions Yvon Blais, série: McGill Legal Studies. 1990. N 6. P. 20.*

² *Revue de droit de McGill II. Vol. 39. 1994. N 3. Octobre. P. 602–724.*

ПРОЦЕСС ПО ЖАЛОБЕ СЬЮ РОДРИГЕЗ:
ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВЫБОРА

Сью Родригез заболела в 42 года неизлечимой и прогрессирующей болезнью — боковым амиотрофическим склерозом (также известен как болезнь Лу Герига). Она проживала в Британской Колумбии с мужем и восьмилетним сыном. К началу судебного процесса врачи диагностировали, что ей оставалось жить от 2 до 14 месяцев. Состояние ее здоровья стремительно ухудшалось; она утрачивала способность глотать, говорить, ходить и двигаться без посторонней помощи. За этим должна была последовать утрата способности самостоятельно дышать и принимать пищу, обрекавшая больную женщину на постельный режим и полную зависимость от аппаратов, приводимых в действие ее окружением. Хотя все это время мадам Родригез оставалась в здравом уме, история ее болезни не оставляла сомнений в ее скоропостижной смерти от удушения, вызванного попаданием в ее дыхательные пути остатков пищи или выделений организма.

Заметим, что в соответствии со ст. 241-б Уголовного кодекса Канады помощь в самоубийстве, а также подстрекательство к нему караются тюремным заключением на срок до 14 лет. Кроме того, на основании ст. 14 Уголовного кодекса Канады добровольное согласие самоубийцы на оказание ему помощи не относится к смягчающим вину обстоятельствам. Поэтому реакция большинства судей Верховного Суда на жалобу Сью Родригез была предсказуема.

Между тем, согласно принципам организации канадской правовой системы, Уголовный кодекс уступает по своей юридической силе Хартии прав и свобод — структурному элементу Конституции. В то же время любая статья правового акта, содержание которой противоречит положениям Хартии, должна быть признана *ultra vires*³. В своей жалобе Сью Родригез просила признать ст. 241-б Уголовного кодекса Канады *ultra vires*, поскольку содержащийся в ней запрет на оказание помощи в самоубийстве якобы носит дискриминационный характер, противоречит ст. 7 и 15 Хартии и идет вразрез с концепцией справедливости, положенной в основание Уголовного кодекса Канады.⁴

Таким образом, катализатором рассматриваемого нами судебного процесса стал конфликт между специфическим пониманием прав человека и содержанием императивной нормы уголовного права. Неплохо было бы вспомнить и о том, что на этом процессе не шла речь об уголовном преследовании конкретного лица, да и вряд ли бы такой процесс состоялся. Глядя на больную женщину, прикованную к инвалидному креслу, никто бы не поручился, что она сможет прибегнуть к чьей-либо помощи, когда смерть придет за ней. Одним своим видом она, оказавшаяся лицом к лицу с безжалостной судьбой, вызвала сострадание, и созданное на волне всеобщей симпатии к ней «Общество защиты права на смерть» потребовало признать такое «право» за каждым человеком.

После краткого экскурса в историю процесса по делу Сью Родригез перейдем к анализу аргументации судей Верховного суда Канады, апеллировавших на этом процессе к равенству людей в их праве на смерть.

³ Выходящей за пределы дозволенного (лат.). — Прим. пер.

⁴ См. подробнее: Brun H., Brun P. Chartes des droits de la personne. Législation, jurisprudence et doctrine. Montréal, 1995.

РАВНОПРАВИЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ: АРГУМЕНТЫ МЕНЬШИНСТВА

Главный судья Верховного Суда Канады Антонио Ламер (*Antonio Lamer*) первым обозначил те ключевые пункты аргументации в поддержку жалобы Сю Родригез, которые развивали судьи Л'Эре-Дюбе, МакЛаклин и Кори.⁵ Их аргументы, нацеленные на реформу правовой системы, строились вокруг принципа равенства, связанного с понятиями выбора и решения, принимаемого перед лицом смерти. В западных обществах равенство признается одновременно ценностью и конечной целью общественного развития.

Остановимся подробнее на аргументах главного судьи Ламера, который так толковал положения ст. 241-б Уголовного кодекса Канады: «Я полагаю, что люди с ограниченными физическими возможностями, не способные наложить на себя руки, поставлены в невыгодное положение, поскольку они лишены права выбора в пользу самоубийства».⁶ Он утверждал, что запрет на оказание помощи в самоубийстве людям с ограниченными физическими возможностями ведет к их неоправданной дискриминации и неравенству. По его мнению, ст. 241-б Уголовного кодекса Канады препятствует таким людям покончить жизнь самоубийством, тогда как суицид не запрещен законом.

Пристального внимания заслуживают два аспекта его аргументации. Прежде всего, Ламер придерживался того мнения, что вопрос о правомерности запрета на оказание помощи в самоубийстве необходимо решать в перспективе последствий, которые обнаруживают его дискриминационный характер.⁷ Настаивая на презумпции дискриминационного характера положений ст. 241-б Уголовного кодекса Канады, он уходил от их анализа в качестве правовых норм, создаваемых и гарантируемых государством. Логика его рассуждений в духе утилитаризма предполагала в качестве отправной точки способность мадам Родригез принимать решения и отвечать за них на всем протяжении жизни вплоть до последнего часа.

Интерпретируя вопрос о допустимости оказания помощи в самоубийстве как вопрос о свободе выбора, главный судья Ламер рассматривал его с позиций индивидуализма: принесет ли он ожидаемую пользу? Иными словами, получит ли индивид удовлетворение своих интересов от совершенного им поступка? Поэтому оценивать характер запрета на помощь в самоубийстве следовало с точки зрения результатов его действия в отношении частных или коллективных интересов. Так, сместив акцент в процессе по делу мадам Родригез с объективного права на субъективное, главный судья поставил вопрос о том, позволит ли осуществление «права» на самоубийство удовлетворить «интересы» его обладателя.

Проблематика свободного выбора и субъективного права приобретала здесь особое звучание. В то время как рассуждения главного судьи не вызывали бы возражений в «морально индифферентных» процессах, где сравнительно легко обнаружить законный выход из конфликтной ситуации, в том процессе, где под сомнение была поставлена правомерность закона, они столкнулись с серьезными контраргументами. Логика рассуждений Ламера привела его к признанию закона, запрещающего оказывать помощь

⁵ Recueil des arrêts de la Cour suprême du Canada. 1993. N 3. P. 530–581, 619–631.

⁶ Ibid. P. 544.

⁷ Ibid. P. 547.

в самоубийстве, одним из действующих лиц разыгравшейся драмы. Как он утверждал: «Рассматриваемая статья Уголовного кодекса порождает неравенство, так как запрещает помогать людям с ограниченными физическими возможностями в сведении счетов с жизнью, хотя самоубийство не запрещено законом и каждый может наложить на себя руки. Однако ограниченно дееспособные лица не сделают это без посторонней помощи, оказывать которую запрещено под угрозой наказания».⁸

Два тезиса, заявленные главным судьей Ламером и поддержанные тремя его коллегами, позволяют лучше понять суть их аргументации. Первый тезис касается содержания, вкладываемого ими в понятие выбора, на котором акцентировали внимание судьи МакЛаклин и Л'Эре-Дюбе. Они отмечали: «По нашему мнению, нельзя оправдать ограничение свободы выбора, что произошло в данном случае... Такое положение вещей обуславливает ограничение определенной категории лиц в реализации права покончить с собой только потому, что они физически не способны его реализовать. Так, Сью Родригез запрещено свободно распоряжаться своим телом вопреки основополагающим принципам права и в нарушение ст. 7 Хартии».⁹

В соответствии с такой интерпретацией ситуации, в которой оказалась Сью Родригез, закон не может ограничивать ее в выборе между жизнью и смертью, так как право на этот выбор принадлежит каждому и связано со свободой распоряжения своим телом. Как полагали сторонники Ламера, ст. 241-б Уголовного кодекса Канады лишила данного права Сью Родригез и других людей с ограниченными физическими возможностями. На основании их рассуждений формируется образ закона — субъекта права, который занимает жесткую позицию по отношению к другим субъектам права, препятствуя им действовать свободно.

Второй тезис можно отнести к той области, которую мы назовем «сферой равноценности».¹⁰ В ней не проводится существенных моральных различий между смертью пациента в результате отказа от приема прописанных врачом лекарств и самоубийством, осуществленным с чьей-либо помощью. Судья Клори заявил: «Я не вижу разницы между разрешением больному, находящемуся в здравом уме, достойно уйти из жизни, отказавшись от продолжения лечения, и разрешением больному, находящемуся в здравом уме, но на последней стадии болезни, умереть достойно, прекратив лечение, даже если из-за ограниченности его физических возможностей необходимые для этого действия по его просьбе совершит другой человек. Также не вижу причин запрещать больным обращаться за помощью в подобных случаях, как собиралась сделать Сью Родригез. Право выбирать день своей смерти принадлежит и тяжело больным людям. Нет причин отказывать им в этом праве».¹¹

Согласившись с замечанием коллеги, Ламер добавил: «Судья Мак-Захерн утверждает, что самоубийство должно быть совершено без посторонней помощи. Сегодня это осуществимо, если Сью Родригез использует специальный механизм, позволяющий ей свести счеты с жизнью, но завтра она не сможет привести его в действие. Почему же в том случае, когда она не сможет обойтись без посторонней помощи, закон запретит ей покончить жизнь самоубийством? Ведь в тот момент, когда она окажется не

⁸ Ibid. P. 549–550.

⁹ Ibid. P. 617.

¹⁰ Ср.: *Rachels J.* The End of Life: Euthanasia and Morality. Oxford, 1986.

¹¹ Recueil des arrêts de la Cour suprême du Canada. 1993. N 3. P. 631.

в состоянии нажать на кнопку, ей как никогда потребуется помощь, чтобы прекратить ее страдания. Однако, принимая во внимание то, что мадам Родригез не просила у суда разрешения на прекращение лечения, я не вижу смысла дальше обсуждать этот вопрос. Я предпочитаю вернуться к нему позже».¹²

Тезис о равенстве, предполагающий уважение индивидуального выбора и его последствий, в данном случае выбора в пользу самоубийства как избавления от страданий, безотносительно к его мотивам, оказался, таким образом, центральным в аргументации четырех судей Верховного Суда Канады в процессе по делу Сью Родригез. Между тем необходимо поместить его в общий контекст юридических суждений (*sur le plan du raisonnement juridique*) и подвергнуть беспристрастному анализу. Так, если в обязательственных правоотношениях важнейшим аспектом проявления психической деятельности человека признается добросовестность, то в уголовном праве квинтэссенцией субъективной стороны содеянного считается *mens rea*.¹³ Исходя из этого, мы утверждаем, что существует разница между отключением от аппарата умирающего больного по его желанию и оказанием ему помощи в самоубийстве. Первый случай служит примером того, как природе предоставляется возможность идти своим путем, тогда как во втором случае человек ставит под сомнение ценность жизни и сам определяет день и час своей смерти. Отключая больного от аппарата, врач преследует цель сохранить его человеческое достоинство перед лицом смерти, которую больной рискует встретить в унижающем положении (*fin dégradante*). Но, оказывая ему помощь в самоубийстве, врач вмешивается в естественный ход вещей и обрывает чужую жизнь. Конечно, грань между этими случаями может показаться тонкой, но она все-таки есть, что особенно заметно на семантическом уровне.

На самом деле тезис о равенстве позволил меньшинству в Верховном Суде Канады подчеркнуть тот факт, что жалоба мадам Родригез корреспондировала ее праву на свободу выбора. Как и большинство судей Верховного Суда Канады, мы полагаем, что Сью Родригез просила признать за ней не право на свободу выбора, а право на выбор в пользу смерти (*option pour la mort*). Такая постановка вопроса реанимирует проблему нормативности права, вынесенную сторонниками Ламера за скобки. Они презюмировали дискриминационный характер положений ст. 241-б Уголовного кодекса Канады и задавались вопросом о правомерности такой дискриминации в свободном демократическом обществе. Разумеется, представив мадам Родригез жертвой патернализма Уголовного кодекса, Ламер без особого труда признал запрет на оказание помощи в самоубийстве неконституционным и противоречащим ценностям свободного демократического общества.

Если бы его точку зрения разделили большинство судей Верховного Суда, то канадцы получили бы такое право на эвтаназию, которого еще не знала история. Так, Ламер считал его подлинным, основополагающим, конституционным правом человека. Но, например, в Нидерландах установлен специальный правовой режим применения эвтаназии и предусмотрена ответственность за его нарушение. Между тем из рассуждений главного судьи Верховного Суда Канады нельзя вывести каких-либо условий, предъявляемых помощникам в самоубийстве. Иными словами, он и его коллеги

¹² Ibid. P. 578–579.

¹³ Здесь: вина (англ.). — Прим. пер.

высказывались в поддержку ничем не ограниченного права на помощь в самоубийстве, оказать которую может кто угодно. Возвращаясь к нидерландскому законодательству, отметим, что оно только врачам разрешает оказывать помощь в самоубийстве, защищая их тем самым от судебного преследования. Наконец, не следует упускать из виду того обстоятельства, что, рассматривая конкретное дело безнадежно и тяжело больной женщины, меньшинство в Верховном Суде Канады фактически решало философский и юридический вопрос о праве на свободу выбора момента своей смерти. Однако между правом на эвтаназию в этом частном случае и правом на эвтаназию как основополагающим правом лежит огромная пропасть.

Несомненно, победа сторонников главного судьи Ламера в процессе по делу Сью Родригез имела бы значительные последствия для западной традиции права, придав новый импульс дискуссиям о легализации эвтаназии. Но об этом можно говорить лишь в сослагательном наклонении, так как аргументы Ламера не достигли своей цели. Их слабость объяснима методологическим просчетом главного судьи, пренебрегшего нормативностью объективного права во имя принципов равенства и свободы выбора, реализуемых в момент принятия судьбоносного решения.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО И СМЕРТЬ: АРГУМЕНТЫ БОЛЬШИНСТВА

Большинство судей Верховного Суда Канады опирались в процессе по делу Сью Родригез главным образом на аргументы судьи Сопинка. Ссылаясь на ту же статью Хартии, что и главный судья, они пришли к противоположному выводу. Любопытно, что они всегда применяли те же приемы толкования права, которые применял и Ламер, но в этом судебном процессе они акцентировали внимание на человеческом достоинстве. Поэтому, прежде чем анализировать их аргументацию, необходимо осмыслить содержание этого понятия.

С ним тесно связано понятие права на свободу. Очевидно, право принимать судьбоносные решения является важным аспектом человеческого достоинства, образующего поле автономной деятельности индивида, сферу его частной жизни, свободной от вмешательства государства, значение которой трудно переоценить. В свою очередь, государство обязано уважать решения граждан. Судья Сопинка, ориентируясь на философию права Р. Дворкина, согласно которой человеческая жизнь представляет собой «священную и неприкосновенную» ценность, обращал внимание на важнейшее измерение бытия человека — его достоинство.¹⁴ Разумеется, «священный» характер человеческой жизни понимался им не с точки зрения религиозных догм, но как основание жизни общества, формирующегося и выбирающего направления развития в соответствии с принципом уважения чужой жизни. Судья Сопинка воспринимал жизнь человека в качестве фундаментальной ценности, обуславливающей регулирование общественных отношений, в рамках которых личность получает признание своего достоинства как залога гуманизма и реализации проекта «коллективной жизни» (*projet de «vie communautaire»*).

¹⁴ Recueil des arrêts de la Cour suprême du Canada. P. 585.

Очевидно, что жалоба Сью Родригез шла вразрез с логикой его рассуждений. Так, судья Сопинка утверждал: «Жизнь, как ценность, вступит в игру только на последней стадии болезни, которая потребует предпочесть ей смерть».¹⁵ В этой перспективе жалоба Сью Родригез воспринималась большинством судей Верховного Суда Канады как выражение ее желания поскорее уйти из жизни. По их мнению, занимая маргинальную позицию, она ставила под сомнение ценность человеческой жизни как основания социума (*communauté humaine*). Достоинство человека рассматривалось ими, в отличие от сторонников судьи Ламера, не как объект права «заинтересованного лица», а как элемент правового порядка.¹⁶ Поэтому в жалобе мадам Родригез они видели вызов, брошенный правовой системе, включающей в себя множество элементов, объединенных общей целью защиты человеческой жизни как социальной ценности.

Однако следует признать аргументацию большинства судей Верховного Суда Канады видоизмененной кантовской концепцией обязанности (*obligation*) и долга (*devoir*), отвергающей самоубийство и тем более помощь в его организации.¹⁷ В основном их рассуждения строились вокруг оснований запрета на помощь в самоубийстве и равновесия индивидуальных и коллективных интересов. Но они слишком много внимания уделяли противопоставлению индивида и государства, тогда как искомое ими равновесие интересов устанавливается путем утверждения в обществе гуманистических начал. Кроме того, заявляя о слабости и уязвимости человека, они вместе с тем дистанцировались от кантовского учения о долге.

В итоге они приходили к выводам о том, что человеческая жизнь должна пониматься как социальная и юридическая ценность и что на государстве лежит обязанность защищать ее любой ценой, так как человек слаб и уязвим. Судья Сопинка отмечал: «Статья 241-б Уголовного кодекса Канады имеет своей целью сохранить жизнь уязвимому человеку, под влиянием обстоятельств малодушно помышляющему о самоубийстве. Ее содержание отражает политику, проводимую государством, заинтересованным в защите человеческой жизни, и направленную на противодействие девальвации ее ценности. В соответствии с этой политикой законодателем запрещены убийство и иные акты насилия, независимо от согласия жертвы, а также запрещена смертная казнь...».¹⁸

Такое толкование права не допускает аналогии между отказом пациента от лечения и самоубийством, совершенным с чужой помощью. Поскольку целью правового государства признается защита общего интереса и человеческой жизни, постольку запрет оказывать помощь в самоубийстве должен получить поддержку законодателя и судьи, которые не могут предвидеть всех случаев злоупотребления правом на эту помощь. Поэтому, регулируя общественные отношения правовыми нормами, например, запрещая оказывать помощь в самоубийстве, целесообразнее предоставить природе идти своим путем (как это произошло в случае Б. Нанси, к чьей просьбе прекратить лечение судьи не остались равнодушными).¹⁹

¹⁵ Ibid. P. 586.

¹⁶ Ibid. P. 590.

¹⁷ Kant E. *Métaphysique des mœurs*. T. I. Paris, 1994. P. 65.

¹⁸ Recueil des arrêts de la Cour suprême du Canada. P. 595.

¹⁹ Nancy B. C. *Hôtel-Dieu de Québec* (1992) // R. J. Q. 1992. P. 361. — См. также: Dworkin R. *Life's Dominion: An Argument About Abortion, Euthanasia and Individual Freedom*. New York, 1993.

Итак, большинство судей Верховного Суда Канады в процессе по делу Сью Родригез пришли к выводу о «необходимости уважения человеческой жизни и предотвращения подрыва институтов, защищающих ее».²⁰ Эти институты выражают ценностные установки общества, придавая особое значение ценности человеческой жизни и обуславливая эффективное применение закона как образца индивидуального и коллективного поведения. Рассуждения судьи Сопинка и его коллег позволяют нам сформулировать два принципиально важных положения.

Во-первых, признание ценности человеческой жизни и достоинства образует правовое основание свободного демократического общества. Это утверждение, не претендующее на статус абсолютной истины, относится к проблеме согласования фундаментальных гуманистических принципов в содержании правовых норм.

Во-вторых, право на помощь в самоубийстве не относится к базовым правам человека, так как оно отражает извращенное понимание человеческого достоинства.

Поэтому демократическое общество имеет все основания запретить помощь в самоубийстве.

РАЗМЫШЛЕНИЕ: ЧЕЛОВЕК И ПЕРЕДАЧА ПРАВА

Проведя анализ аргументации судей Верховного Суда Канады, мы изложим нашу позицию в отношении запрета помощи в самоубийстве. Проще всего было бы представить судебный процесс по делу Сью Родригез как столкновение между приверженцами учения о субъективных правах и поборниками гуманистических ценностей, определяющих организацию и развитие общества, как противостояние радикальных либералов и умеренных либералов, развернувшееся в зале судебного заседания. Но, верное в целом, такое объяснение не приближает нас к решению проблемы. Полагаем, что ее решение можно обнаружить, учитывая особенности ситуации судьбоносного выбора и логику, позволяющую признать право другого человека распоряжаться нашим телом и нашей жизнью.

Удивляет то, что все судьи Верховного Суда Канады в процессе по делу Сью Родригез придерживались инструментальной концепции человека. Пожалуй, это признаки нашего времени — редукция, упрощение, пренебрежение многообразием структурных элементов человеческого измерения (*dimension humaine*). Но случай мадам Родригез требовал иного подхода, который основывался бы на глубоком понимании природы человека и его потребностей. Между тем, оперируя в своих рассуждениях об универсальных ценностях философскими категориями, судьи Верховного Суда Канады выхолащивали из них гуманистическую составляющую. На наш взгляд, чтобы преодолеть возникшие противоречия, им следовало занять посредническую позицию между переходящей реальностью (*sphère du monde vécu*) и универсальными требованиями, исходя из которой судьи могли бы заявить об интересубъективности человеческого существования.²¹

Такая логика адекватна ситуации, в которой оказалась мадам Родригез, так как, используя ее, мы можем проанализировать отношение самоубийцы к собственной жизни как объекту выбора. Она объясняет

²⁰ Recueil des arrêts de la Cour suprême du Canada. P. 608.

²¹ Habermas J. Théorie de l'agir communicationnel. T. I. Paris, 1987. P. 397.

инструментальный подход субъекта к выбору варианта поведения и к реализации им свободы выбора, принадлежащей каждому человеку. Распоряжаясь своей жизнью как объектом, субъект отдаляется от самого себя. Принимаемая им модель рассуждений постепенно уничтожает его самого как субъекта, поскольку он воспринимает себя и все происходящее с ним отстраненно, с позиции инструментализма.

Вспомним формулировку жалобы, поданной Сью Родригез в Верховный Суд Канады. Она просила признать ее право на самоубийство, совершить которое она планировала тогда, когда окажется не в состоянии сделать это сама, т.е. когда ей придется обратиться за помощью к третьему лицу. Анализ содержания ее жалобы позволяет нам утверждать, что в действительности мадам Родригез просила не о признании права на самоубийство, а о признании права третьего лица на оказание ей помощи в самоубийстве. Однако в ходе развернувшихся дискуссий подлинный предмет ее жалобы ушел на второй план, хотя никто не лишал ее права покончить жизнь самоубийством, признанного в Канаде и других западных странах. В любой момент она могла свести счеты с жизнью, не дожидаясь, пока болезнь доведет ее до беспомощного состояния. Следовательно, в жалобе Сью Родригез за вопросом о свободе выбора в пользу самоубийства скрывался вопрос о безответственности помощника в самоубийстве.²²

Обратной стороной признания права на помощь в самоубийстве оказалось, таким образом, признание права помогать самоубийцам сводить счеты с жизнью. Лучше всех судей Верховного Суда Канады это понял Сопинка, настаивавший на системном подходе к праву и размышлявший о запрете смертной казни. Но он не затронул проблемы лишения третьих лиц права распоряжаться чужими жизнями и телами, актуальной для западной традиции права. Античное рабство, крепостное право или смертная казнь предполагают право третьего лица на чужую жизнь или тело, что подразумевалось и в случае Сью Родригез.

Признание этого права представляется нам неприемлемым и заслуживающим осуждения. Поэтому мы принимаем сторону большинства судей Верховного Суда Канады, отказавшего мадам Родригез в удовлетворении ее жалобы. Очевидно, что свободное демократическое общество стремится не допустить легализации права третьих лиц на чужие жизни и тела. Однако редукционизм зачастую препятствует адекватному анализу философско-правовых проблем и в случаях, подобных делу Сью Родригез, ведет к недопустимым выводам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ

Решение Верховного Суда Канады по делу Сью Родригез получило широкий общественный резонанс. Она проиграла процесс, но реализовала свое «право» на получение помощи в самоубийстве, попросив одного из популярных канадских депутатов стать свидетелем ее суицида. Под впечатлением от той неблагодарной роли, которая досталась Верховному Суду Канады, представшему в невыгодном свете, общественность сочувствовала Сью Родригез, покончившей с собой.

Подводя итоги нашим размышлениям, мы хотели бы обратить внимание на один важный аспект права, связанный с его применением

²² Ср.: *Hohfeld W. N. Fundamental Legal Conceptions*. New Haven, 1964.

и рискующий остаться незамеченным. Всегда ли оправданно применять законы, запрещающие оказывать помощь в самоубийстве? Думаем, что нет. Складывается впечатление, будто наше общество, законодатели и юристы забыли о том, что ценность закона не сводится к эффективности его применения и состоит прежде всего в его символическом характере (*caractère symbolique*). Как утверждали большинство судей Верховного Суда Канады в процессе по делу Сью Родригез, закон, запрещающий помощь в самоубийстве, символизирует уважение к человеческой жизни. Но и они упускали из виду, что ценностью признается все многообразие ее проявлений.²³ Поэтому целесообразнее последовать примеру многих западных стран, в чьих правовых системах закреплен институт убийства из сострадания (*homicide par compassion*), позволяющий индивидуально решить вопрос о помощи в добровольном уходе из жизни и в то же время препятствующий распространению этой практики. На наш взгляд, принимая решение о законности предоставления помощи в самоубийстве, необходимо сохранять осторожность и помнить о том, что речь идет об уважении человеческой жизни и достоинства, о сочувствии к другому человеку.

²³ *Boulad-Ayoub J., Melkevik B., Robert P.* L'amour des lois. La crise de la loi moderne dans les sociétés démocratiques. Québec, 1996.